

РЕЦЕССИЯ ПРАВОВОЙ КОНСТРУКЦИИ «ОГРАНИЧЕННАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ» ЧЛЕНОВ КОММЕРЧЕСКИХ КОРПОРАЦИЙ

© 2020 г. В. А. Лаптев

Университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: laptev.va@gmail.com

Поступила в редакцию 30.04.2020 г.

Аннотация. Существующие правовые конструкции предопределяются историческими фактами, сложившимся правопорядком, а также потребностями государства и общества. Автор исследует историческую изменчивость подходов к пониманию правовой конструкции «ограниченная ответственность» членов коммерческих корпораций в России. Анализируются отдельные нормативные акты и исторические факты, влияющие на сущностное восприятие рассматриваемой конструкции в корпоративных отношениях. Приводятся отдельные примеры применения данной конструкции в зарубежных правопорядках. Рассматриваются возможные подходы к толкованию конструкции «ограниченная ответственность» членов корпорации при привлечении к юридической ответственности контролирующих корпорацию лиц.

Ключевые слова: корпорация, ответственность членов корпорации, принцип ограниченной ответственности, снятие корпоративной вуали, ответственность бенефициаров, контролирующие лица, субсидиарная ответственность, искусственный интеллект.

Цитирование: Лаптев В.А. Рецессия правовой конструкции «ограниченная ответственность» членов коммерческих корпораций // Государство и право. 2020. № 9. С. 63–72.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16079.

DOI: 10.31857/S013207690009532-7

REINTERPRETATION OF THE LEGAL CONSTRUCTION “LIMITED LIABILITY” OF MEMBERS OF COMMERCIAL CORPORATIONS

© 2020 V. A. Laptev

Kutafin Moscow state Law University (MSAL)

E-mail: laptev.va@gmail.com

Received 30.04.2020

Abstract. The current legal constructions are grounded in historical facts, the established legal order, as well as the needs of the State and society. In the present article, the author scrutinizes the historical shifts in the interpretation of the legal construction “limited liability” applied to members of commercial corporations in Russia. Specific regulations and historical facts that have had an impact on the understanding of the said construction in corporate relations are analyzed. Examples of implementation of this construction in foreign legislations are provided. Possible approaches to the interpretation of the construction “limited liability” of corporate members in the context of imposing legal liability on the parties controlling a corporation are reviewed.

Key words: corporations, liability of corporation members, principle of limited liability, removal of corporate veil, liability of beneficiaries, controlling persons, subsidiary liability, artificial intelligence.

For citation: *Laptev, V.A. (2020). Reinterpretation of the legal construction “limited liability” of members of commercial corporations // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 63–72.*

The research was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of scientific project No. 18-29-16079.

Введение. Правовые системы различных государств содержат уникальные правовые категории, подходы и источники правового регулирования. Это объясняется историей развития общественных отношений, уровнем правовой культуры общества и задачами государства на определенном этапе.

В данной статье автор формулирует оценку содержанию и вероятным причинам изменения правовых подходов к конструкции «ограниченная ответственность», ставшей одной из фундаментальных при развитии корпоративного хозяйствования в России и в других государствах. В основу исследования положены сравнительно небольшой период (последние два столетия) и нормативные акты, регламентирующие ответственность членов корпорации, возникающую при наступлении определенных юридических фактов (например, факта признания судом корпорации банкротом, после чего заявляется требование о привлечении к ответственности контролирующих корпорацию-должника лиц; заключение сделки в ущерб интересам корпорации).

Отечественными учеными высказывались мнения по рассматриваемой проблематике в дореволюционном (Ю.С. Гамбаров, Г.Ф. Шершеневич, П.П. Цитович, А.И. Каминка и др.), советском (В.В. Лаптев, В.К. Мамутов, Ю.К. Толстой, Т.Е. Абова и др.) и современном правоведении (В.К. Андреев, И.С. Шиткина, А.В. Габов, О.М. Олейник и др.).

Использование в названии статьи термина «реcessия» (от лат. *recessus* – «отступление») предопределено необходимостью познать целесообразность изменений в складывающихся подходах, очевидно влияющих как на уровень инвестиционного климата в области фонда прямых инвестиций (корпоративных коллективных инвестиций), так и на субъектный состав бизнес-сообщества (хозяйствующих субъектов).

Развитие принципа «ограниченная ответственность» членов коммерческих корпораций в России. Принято считать, что корпоративные формы хозяйствования стали системно регулироваться в России с конца XVII – начала XVIII в. Одним из первых актов выступил Указ Петра I от 27 октября 1699 г. № 1706 «О составлении купцам, как и в других государствах, торговых компаний, о расписании городов по торговым делам на провинции, с подчинением малых городов главному

провинциальному городу, и о причислении к слободам разночинцев, имеющих промыслы»¹.

Подробные положения о корпорациях были закреплены в Уставе торговом в разделе «О торговом товариществе» (1903 г.)², в части определения правового положения полных и командитных товариществ, акционерных обществ, товариществ на паях и артельных товариществ. Товарищества могли обозначаться «торговыми» при осуществлении ими торговой деятельности, а образуемые на их основе «торговые дома» на правах полного товарищества или на вере должны были состоять из подданных Российской Империи.

Торговый дом считался открытым и приобретал гражданскую и торговую правоспособность после внесения сведений о нем в соответствующую «выписку» (реестр). Среди прочих данных реестр содержал имя, отчество, место жительства всех товарищей и вкладчиков, а также количество капитала, вносимого в общее дело всеми товарищами и вкладчиками. Купцы, владевшие «купеческими домами под фирмою или компаниями», давали подписку о том, что иные лица не участвуют в их доме на правах полного товарища (ст. 60, 61 Устава).

Корпорации того периода рассматривались исключительно как объединения лиц и не представляли собой «обезличенный коллективный капитал» наподобие публичных корпораций (например, Роснефть, Газпром или ПАО «Сбербанк»).

Торговые дома обозначались именами товарищей и являлись полными товариществами (например, Дом торгового товарищества «Братья Елисеевы» в Санкт-Петербурге, Торговый дом «П. и С. братья Третьяковы и В. Коншин» в Москве или Торговый дом «Кунст и Альберс» во Владивостоке).

В полном товариществе участниками заключался договор, который «имел силу равную закона», если не противоречил общим положениям гражданского и торгового права (ст. 67 Устава).

По долгам торгового дома товарищи отвечали всем своим движимым имуществом (в полном товариществе), а вкладчики в случае «разрушения дома» только стоимостью вклада (в товариществе на вере).

¹ См.: ПСЗ РИ. Собр. первое. Т. 3.

² См.: СЗ РИ. Т. XI. Ч. II.

П.П. Цитович не случайно ограничивал торговые товарищества от гражданских. Так, торговые товарищества предполагали «торговлю», а гражданские — «действия»; долги торгового товарищества — это долги товарищей (чужие для каждого, но отвечают все), а гражданского — это «долги одного» товарища (личные долги); торговые товарищества — это субъект права, в то время как гражданские — договорное соединение самостоятельных лиц (не обладающие статусом субъекта права)³.

Акционерные общества и товарищества на паях во многом основывали свою деятельность на их внутренних узаконениях (ст. 78 Устава). Особенности правового положения данных корпораций содержали Законы Гражданские (т. X) и Устав Кредитный (т. XI, ч. II).

Компания на акциях объединяла известное количество частных участников, ответственность которых ограничивалась их вкладами (ст. 2139 Законов Гражданских). Компании обладали наименованием, связанным с деятельностью предприятия. Закреплялась возможность работать на территории Российской Империи акционерных (анонимных) обществ и других торговых, промышленных и финансовых товариществ Франции и Бельгии по русскому законодательству (ст. 2139 Законов Гражданских). В Российской Империи действовали отделения зарубежных акционерных компаний, в частности, небезызвестного немецкого электротехнического АО «Siemens & Halske AG». Примерами таких компаний выступали горнодобывающее АО для обследования и устройства промышленных предприятий в России или АО Московский электролитический завод.

Ответственность акционеров ограничивалась их вкладами, возложение личной или дополнительной ответственности по обязательствам компании не допускалось (ст. 2172 Законов Гражданских). В случае банкротства (несостоятельности) самого акционера, его капитал, внесенный за акции, неприкосновенно сохранялся за акционерной компанией, а вот на акции было возможно обращение взыскания (ст. 2173 Законов Гражданских).

Артельные товарищества объединяли участников по их роду деятельности (промыслу) и создавались для непрерывной (например, Санкт-Петербургская артель художников, Товарищество ситценабивной мануфактуры «Эмиль Циндель» в Москве, Товарищество латунного и меднопрокатного заводов А. Кольчугина во Владимирской губернии или Товарищество костромской большой льняной мануфактуры) или временной работы (например, сезонной — рыболовные и охотничьи артели). Порядок деятельности артелей определялся

добровольным согласием ее членов на участие в работе или их внутренним узаконением (ст. 81 Устава торгового).

Рассмотренный этап развития корпоративного хозяйствования в Российской Империи свидетельствует об отождествлении категорий «дело» (современное понимание — «бизнес»), «торговый дом» и «собственники торгового дома». Наименование корпорации должно было обозначать ее участников (для товариществ) либо род ее деятельности (для акционерных компаний). В товариществах существовал запрет на участия в других торговых домах, что также говорило о привязке торгового дела к его конкретным владельцам.

Привлекательность акционерного общества заключалась, с одной стороны, в наличии ограничения ответственности (пределом вклада), с другой — возможности объединения капитала. В Англии в 1720 г. даже был принят Закон о мыльных пузырях (Bubble Act), запрещающий явочное учреждение акционерных обществ без официальной лицензии. Поводом принятия данного акта послужило беспорядочное учреждение авантюрных акционерных обществ в начале XVIII в., порой не преследующих реальных инвестиционных целей и имеющих спекулятивный характер (искусственно «накрутить» стоимость акций и продать подороже). Разумеется, противниками такого положения дел и сторонниками принятия Bubble Act были реальные компании (с рентабельными проектами), которые лишались потенциального акционерного инвестирования. Принято считать, что одним из крупных «мыльных пузырей» 20-х годов XVIII в. стала крупнейшая английская Компания Южных морей (The South Sea Company). Примерно в это же время во Франции потерпела фиаско от искусственного «раздутия» стоимости акций Миссисипская компания (Compagnie du Mississippi, именуемая позже — Компания Индий).

Г.Ф. Шершеневич, рассуждая о социальном значении акционерной формы объединения лиц в России, отмечал, что легкость образования акционерного капитала заключалась в «незначительной» (ограниченной) ответственности акционеров и отсутствии необходимости личного участия акционера в делах компании⁴. Возможность взыскания с отдельных акционеров денежных сумм (по обязательствам компании) была только в случае неуплаты ими полной цены акций, но не более этого размера⁵, т.е. соблюдалась конструкция «ограниченная ответственность» акционеров по обязательствам компании.

⁴ См.: Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. I. 4-е изд. СПб., 1908. С. 388, 389.

⁵ См.: там же. С. 477.

³ См.: Цитович П.П. Очерк основных понятий торгового права. М., 2001. С. 133–138.

Исключение из этой конструкции составляли случаи злостного банкротства, при котором в товариществах привлекались к ответственности «виновные» товарищи. В акционерных же товариществах (юридических лицах) ни само товарищество, ни его директора не могли быть признаны злостными банкротами. И если, для сравнения, в Германии и была в то время особая уголовная ответственность недобросовестных директоров, то в Российской Империи такие положения отсутствовали⁶.

В Англии возможность привлечения к ответственности акционеров корпорации обозначили доктриной «снятия корпоративной вуали», основой для которой послужило дело *Salomon v. Salomon & Co. Ltd* (1897 г.), при рассмотрении которого суды констатировали независимость корпорации от ее акционеров. Вместе с тем впоследствии суды Англии раскрыли в правоприменительной практике возможность привлечения к ответственности недобросовестных акционеров по долгам корпорации.

В период НЭПа⁷ в СССР по рассматриваемой проблематике были приняты ГК РСФСР (1922 г.), Декрет ВЦИК от 22 мая 1922 г. «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР»⁸, Положение о фирме (1927 г.)⁹ и Положение об акционерных обществах (1927 г.)¹⁰.

В ГК РСФСР 1922 г. закреплялась возможность признания «объединения лиц» юридическим лицом (ст. 13) и приобретения кооперативными организациями промышленных предприятий (ст. 57). Каждый член простого товарищества нес неограниченную ответственность по долгам простого товарищества соразмерно своей доле участия, если иное не предусмотрено в договоре (ст. 287). В товариществе на вере наряду с неограниченной ответственностью ее товарищей вкладчики несли ответственность, ограниченную стоимостью внесенного вклада (ст. 312).

Советские товарищества с ограниченной ответственностью, ставшие впоследствии прообразом современных обществ с ограниченной ответственностью, в силу ст. 320 ГК РСФСР учреждались

⁶ См.: *Шершеневич Г.Ф.* Указ. соч. Т. IV. СПб., 1912. С. 596.

⁷ Подробнее см.: *Гаврилов К.Г.* Организационно-правовые формы частных коммерческих предприятий в промышленности РСФСР в период Новой экономической политики (1921–1929 гг.) // *Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского.* 2011. № 23. С. 353–361.

⁸ См.: *СУ РСФСР.* 1922. № 36, ст. 423.

⁹ См.: *Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 22.06.1927 г.* // *Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР.* 1927. № 40, ст. 394, 395.

¹⁰ См.: *Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 17.08.1927 г.* // *СЗ СССР.* 1927. № 49, ст. 499.

только в установленных законодательством отраслях народного хозяйства (например, Товарищество по электрификации в селе Рыбном, Рязанской губернии) или по специальному разрешению. Товарищества объединяли участников (товарищей), занимавшихся торговлей или промыслом под общей фирмой. В данном случае «фирмой» также признавалось «дело» («бизнес»).

Участники товарищества с ограниченной ответственностью отвечали по обязательствам последнего не только стоимостью внесенного вклада, но и личным имуществом в одинаковом для всех кратном их вкладу размере. При невозможности отвечать по обязательствам товарищества одним из участников, остальные отвечали за него пропорционально, но не более стоимости внесенного им вклада и установленного кратного размера (ст. 319).

Акционерные общества, именуемые также паявыми товариществами, характеризовались разделением основного (уставного) капитала на равные части – акции, а также ограничением ответственности их участников стоимостью вкладов (ст. 322). Наименование должно было отражать акционерную форму предприятия (например, АО «Электроэксплуатация» по электрификации Подмосквовного района). Акционерные общества часто создавались на базе смешенного акционерного капитала, с участием государственных органов и кооперативом и иных лиц (в частности, АО по электрификации Северо-Кавказского края – «Электркрай»)¹¹.

Гарантией кредиторов акционерного общества стало закрепление солидарной ответственности его учредителей по сделкам, связанным с учреждением общества (ст. 339), а также солидарной ответственности перед обществом и другими акционерами за убытки, вызванные недостоверными сведениями и сообщениями, сделанными при учреждении общества (абз. 1 ст. 340). Закреплялась также ответственность недобросовестных членов правления и ревизионной комиссии перед обществом, его акционерами и кредиторами за причиненные убытки (абз. 2 ст. 340).

Декретом ВЦИК от 22 мая 1922 г. закреплялись права граждан организовывать промышленные и торговые предприятия, а также гарантия частной собственности на фабрично-заводские, торговые и промышленные предприятия, которые рассматривались как «движимое имущество» (п. 3).

Положение о фирме (1927 г.) представляет собой один из представляющий интерес по юридической технике актов того времени, объединившим в себе сущность и формы хозяйственной деятельности. Понятие «фирма предприятия» включало

¹¹ См.: *Развитие электрификации советской страны 1921–1925 гг.* М., 1956. С. 469, 470.

в себя как свойства субъекта права (его организационно-правовую форму), так и сферу его хозяйственной деятельности, и даже по некоторым видам корпораций – территорию деятельности (губерния, область, район и т.д.).

В контексте рассматриваемого положения, «фирма» рассматривалась как обозначение предприятия, а «предприятие» – само «дело» (направление хозяйствования). В акционерных обществах (паевых товариществах) и товариществах с ограниченной ответственностью фирма должна содержать предмет деятельности и вид товарищества; в полных товариществах и на вере – предмет деятельности и фамилии (имена, отчества) ответственных за ее деятельность участников (товарищества с большим числом участников обозначались: «и компания» или сокращенно «и Ко») (п. 3, 4). Еще в начале XX в. Г.Ф. Шершеневич обращал внимание на недопустимость отождествления фирмы с именем купца и необходимость понимания «фирмы» как индивидуализации предприятия¹².

В состав фирмы входили не только средства индивидуализации самого предприятия (фирменное обозначение или вывески), но и связанные с ее производственно-хозяйственной деятельностью материальные результаты (наименование фирмы на товарах или их упаковке). Права на фирму отчуждались вместе с предприятием (п. 12) и прекращались с прекращением самого предприятия (п. 13).

Положением об акционерных обществах (1927 г.) было также закреплено ограничение ответственности акционеров по долгам общества (п. 1). В зависимости от собственника акционерного капитала разделялись государственные (принадлежащее государственным учреждениям либо предприятиям) и смешанные (с дополнительным государственным участием частных лиц и кооперативов) акционерные общества. Государственные общества признавались «государственным предприятием» на началах хозрасчета (п. 126), а смешанные – «частными юридическими лицами» (п. 143). Акционеры-учредители несли ответственность за убытки, причиненные упущениями и недобросовестными действиями при учреждении общества (п. 24). При банкротстве упоминалась лишь солидарная ответственность «выборных лиц общества» (директора, членов правления или совета) за убытки, причиненные их «упущениями и неправильными действиями» (п. 73, 74).

В.Н. Шретер отмечал отсутствие дополнительной ответственности акционеров по обязательствам общества (как наиболее характерного отличия от других форм), что позволяло утверждать о «безразличии» данной формы к личности

акционера, поскольку акционерная форма считалась объединением не лиц, а капиталов¹³.

В ГК РСФСР 1964 г. содержались иные положения о корпорациях. В частности, закреплялся открытый перечень, в т.ч. корпоративных форм юридических лиц, среди которых колхозы, межколхозные и иные кооперативные организации и их объединения, другие общественные организации, государственно-колхозные и иные государственно-кооперативные организации и другие организации (ст. 24).

Разграничивалась ответственность кооператива и входящих в ее состав членов. Так, члены кооператива по общему правилу не несли ответственность по обязательствам последнего, за исключением случаев, установленных уставом кооператива либо нормативным актом в кратном паевому взносу размере; участники межколхозной, государственно-колхозной и иных государственно-кооперативных организаций, напротив, несли ответственность за убытки последних только в установленном уставом (положением) случаях (ст. 36).

Разумеется, формы ведения хозяйствования советского периода исключали анонимность (обезличенность) капитала, а установленная законодательством юридическая ответственность членов юридического лица носила объективный характер, обеспечивающий интересы всех участников хозяйственных отношений (в частности, кредиторов кооперативов).

В период перестройки и перехода к рыночной экономике были возвращены отдельные правовые подходы по вопросу форм ведения предпринимательской деятельности. Были приняты Закон РСФСР от 25 декабря 1990 г. № 445-1 «О предприятиях и предпринимательской деятельности»¹⁴ и утверждено Положение об акционерных обществах (1990 г.)¹⁵.

Законом РСФСР от 25 декабря 1990 г. закреплялись в качестве «коллективных предпринимателей» без прав юридического лица полные товарищества (ст. 9), а также с правами юридического лица – смешанные товарищества (ст. 10), товарищества с ограниченной ответственностью, акционерные общества закрытого (ст. 11) и открытого типа (ст. 12).

Вне зависимости от наличия статуса юридического лица члены корпорации несли юридическую ответственность. Участники простого товарищества несли неограниченную солидарную

¹³ См.: Шретер В.Н. Советское хозяйственное право. Право торгово-промышленное. М., Л., 1928. С. 166.

¹⁴ См.: Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 30, ст. 418.

¹⁵ См.: Постановление Совмина РСФСР от 25.12.1990 г. № 601 // СП РСФСР. 1991. № 6, ст. 92.

¹² См.: Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. Т. I. С. 183.

ответственность по обязательствам товарищества (абз. 2 п. 1 ст. 9). Действительные члены смешанного товарищества (близкого по своей сути к товариществу на вере) также несли неограниченную солидарную ответственность по обязательствам товарищества, в то время как вкладчики рисковали только стоимостью своего вклада (абз. 2 п. 1 ст. 10). В товариществах с ограниченной ответственностью и акционерных обществах закрытого и открытого типа участники (акционеры) отвечали по обязательствам общества в пределах стоимости вклада (п. 2 ст. 11, абз. 2 п. 1 ст. 12).

Нормативно закреплялись пределы ответственности акционеров — стоимостью вкладов (п. 8). Однако наряду с этим регламентировалась ответственность недобросовестных директоров и членов правления (исполнительных органов), которые привели общество к несостоятельности. Такие убытки должны были компенсироваться обществу (п. 10). Вместе с тем речь шла только о случаях, если причиненные обществу убытки привели к его банкротству, т.е. к прекращению деятельности хозяйствующего субъекта¹⁶.

Приведенные положения были основой провозглашения принципа ограниченной ответственности участников корпорации в России. Нарушение данного принципа воспринималось представителями бизнеса как нарушение конституционных основ ведения предпринимательства в правовом государстве с рыночной смешанной экономикой.

Спустя непродолжительный период времени, принимаются часть I ГК РФ 1994 г., Федеральные законы «Об акционерных обществах»¹⁷ и «Об обществах с ограниченной ответственностью»¹⁸.

В первоначально принятой редакции гл. 4 ГК РФ закреплялись положения о коммерческих корпоративных организациях (хозяйственные товарищества и общества, производственные кооперативы), а также об ответственности участников за их деятельность. Участие в корпорациях обозначалось «обязательственным правом» (абз. 2 п. 2 ст. 48), поскольку в то время общественные отношения делились на обязательственные и вещные (ст. 2 ГК РФ)¹⁹.

Существенное значение для российского бизнеса приобрело положение п. 6 ст. 64 ГК РФ (в ее первоначальной редакции): требования кредиторов,

не удовлетворенные из-за недостаточности имущества ликвидируемого юридического лица, считаются погашенными.

Затем в законодательстве об отдельных видах корпораций постепенно стало возрастать количество норм, регламентирующих случаи привлечения к ответственности членов коммерческих корпораций. Так, в ст. 6 Федерального закона «Об акционерных обществах» и ст. 6 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» закреплена солидарная ответственность основного общества с дочерним обществом по сделкам, заключенным последним во исполнение таких указаний; субсидиарная ответственность основного общества по долгам дочернего, если по вине основного общества дочернее стало банкротом; право акционеров дочернего общества требовать возмещения основным обществом убытков, причиненных по его вине дочернему обществу.

Указанные отступления в ограничении ответственности членов корпорации В.В. Лаптев обозначил как случаи «исключения», когда акционеры все же несут ответственность по обязательствам своего общества на основании общего принципа вины²⁰. Вопросы «акционерной ответственности» как собирательного понятия особого вида юридической ответственности также исследовались в работах А.Е. Молотникова²¹.

Все упомянутые положения законодательства о корпорациях с начала 90-х годов XX в. были детально проработаны корпоративными юристами и эффективно использовались бизнес-сообществом.

Получили популярность предпринимательские объединения в форме холдингов, в т.ч. после утверждения Временного положения о холдинговых компаниях (1992 г.)²², правовое положение которых исследовалось правоведами (И.С. Шиткина, В.А. Лаптев, Н.И. Михайлов и др.)²³. Многие группы компаний, дружественные хозяйствующие субъекты и бизнес-партнеры успешно использовали холдинговую модель управления бизнесом.

В зарубежных правовых режимах, в т.ч. в государствах с англосаксонской правовой системой,

²⁰ См.: Лаптев В.В. Акционерное право. М., 1999. С. 24, 25.

²¹ См.: Молотников А.Е. Ответственность в акционерных обществах. М., 2006.

²² См.: Указ Президента РФ от 16.11.1992 г. № 1392 // САПП РФ. 1992. № 21, ст. 1731.

²³ См.: Шиткина И.С. Холдинги: правовое регулирование и корпоративное управление. М., 2006; Лаптев В.А. Предпринимательские объединения: холдинги, финансово-промышленные группы, простые товарищества. М., 2008; Михайлов Н.И. Правовая организация финансово-промышленных групп в России: состояние и перспективы. М., 2005; и др.

¹⁶ См. также: Обзор судебной практики Московского городского суда; Практика рассмотрения межмуниципальными судами г. Москвы гражданских дел по спорам, связанным с обращением ценных бумаг // Хозяйство и право. 1995. № 3, 4.

¹⁷ См.: СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 1.

¹⁸ См.: СЗ РФ. 1998. № 7, ст. 785.

¹⁹ Корпоративные отношения были закреплены в ст. 2 ГК РФ лишь с 2013 г. Федеральным законом от 30.12.2012 г. № 302-ФЗ (см.: СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1), ст. 7627).

существует свой оригинальный подход. Так, Закон № 16 Британских Виргинских Островов о коммерческих компаниях (2004 г.) определяет правовое положение пяти видов компаний (ст. 5). В ст. 80 данного нормативного правового акта раскрываются пределы (размеры) ответственности членом компании по ее обязательствам:

у участника компании с ограниченной ответственностью ответственность отсутствует;

у акционера — ограничивается неоплаченной суммой по любой акции, владельцем которой он является; любым обязательством, предусмотренным в учредительном договоре или уставе; и обязательством вернуть распределенную ему сумму согласно положениям ст. 58 (1);

у участника, ответственность которого ограничена гарантией, — объемом ответственности ограничивается: суммой, которую участник, ответственность которого ограничена гарантией, обязан внести в случаях, оговоренных в учредительном договоре; любым другим обязательством, предусмотренным в учредительном договоре или уставе компании; и обязательством вернуть распределенную ему сумму согласно положениям ст. 58 (1);

у участника с неограниченной ответственностью — ответственность неограниченная.

В начале XXI в. представителями российской юридической общественности стали выдвигаться идеи реформирования законодательства. В частности, предполагалось, что действующий уклад в гражданском и корпоративном законодательстве не отвечает потребностям времени и не учитывает успешный опыт отдельных зарубежных государств. Так была сформулирована Концепция развития гражданского законодательства (2009 г.)²⁴. Предлагалось введение солидарной ответственности лиц, составляющих орган юридического лица (п. 3 ст. 53 ГК РФ), возможность «снятия корпоративных покровов» по ст. 56 ГК РФ независимо от наступления несостоятельности юридического лица, установление ответственности юридического лица за несвоевременную и ненадлежащую актуализацию данных в ЕГРЮЛ и др. (абз. 6 введения).

В результате реформы гражданского законодательства в 2014 г. Гражданский кодекс РФ²⁵ был дополнен следующими положениями:

обязанность возмещения причиненному обществу убытков, возникших в результате недобросовестного или неразумного поведения лица (лиц — солидарное возмещение), уполномоченного выступать от имени юридического лица,

²⁴ См.: Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

²⁵ См.: Федеральный закон от 05.05.2014 г. № 99-ФЗ // СЗ РФ. 2014. № 19, ст. 2304.

членов коллегиальных органов юридического лица и лиц, определяющих действия юридического лица (ст. 53¹);

исключение корпорации по инициативе налогового органа из ЕГРЮЛ не препятствует привлечению к ответственности лиц, указанных в ст. 53¹ ГК РФ (ст. 64¹);

основное общество (холдинговая компания) отвечает солидарно с дочерним обществом по сделкам, заключенным последним во исполнение указаний или с согласия основного общества; в случае банкротства дочернего общества по вине основного последнее несет субсидиарную ответственность по его долгам; участники (акционеры) дочернего общества вправе требовать возмещения основным обществом убытков, причиненных его действиями или бездействием дочернему обществу (ст. 67³), и т.д.

Далее Правительство РФ в целях повышения позиции государства в рейтинге Всемирного банка Doing Business (повышения уровня защиты миноритарных инвесторов и качества корпоративного управления в российских хозяйственных обществах) принимает Дорожную карту «Совершенствование корпоративного управления» (2016 г.)²⁶. Детализированный план дорожной карты, среди прочих, содержал предложения, обеспечивающие акционерным обществам возможностью привлечь к ответственности акционеров за убытки, причиненные разглашением по их вине коммерческой тайны, в Федеральный закон «Об акционерных обществах», должны быть введены нормы об ответственности контролирующего лица за убытки, причиненные по его вине подконтрольному обществу (п. 14), а также совершенствовались механизмы привлечения членом органов управления хозяйственных обществ к ответственности за действия (бездействие) при осуществлении ими своих полномочий (п. 15).

В конце 2016 г. состоялась реформа законодательства о крупных сделках и сделках с заинтересованностью хозяйственных обществ и с 1 января 2017 г. стал действовать новый правовой режим их совершения и обжалования²⁷, в частности, закрепивший право члена совета директоров обжаловать указанные сделки и минимальный порог участия (от 1%), позволяющий одному либо нескольким членам корпорации обжаловать сделку²⁸. Данная

²⁶ См.: Распоряжение Правительства РФ от 25.06.2016 г. № 1315-р // СЗ РФ. 2016. № 28, ст. 4756 (утратило юридическую силу).

²⁷ См.: Федеральный закон от 03.07.2016 г. № 343-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 27 (ч. II), ст. 4276.

²⁸ Право члена совета директоров обжаловать рассматриваемые сделки корпорации ранее уже было закреплено в абз. 2 п. 4 ст. 65³ ГК РФ в ред. Федерального закона от 05.05.2014 г. № 99-ФЗ.

реформа косвенно коснулась принципа ограниченной ответственности членов корпорации, поскольку правовые последствия недействительности данных сделок нередко влияют на размер убытков, причиненных обществу.

Существенное изменение в правовых подходах к конструкции «ограниченная ответственность» членов корпораций в 2017 г. повлекла новая гл. III.2 Федерального закона о несостоятельности (банкротстве) – «Ответственность руководителя должника и иных лиц»²⁹ и принятые в отношении нее разъяснения (письмо ФНС России от 16.08.2017 г. № СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ», постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»³⁰ и др.).

Данные события в правоповедении небезосновательно обозначили «прокредиторскими нормами», позволяющими эффективно защитить права кредиторов в деле о банкротстве корпорации³¹. Постановлением Пленума ВС РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 разъяснен «исключительный механизм восстановления нарушенных прав кредиторов» (п. 1), позволяющий посредством норм Федерального закона о несостоятельности (банкротстве) привлечь к субсидиарной ответственности участника корпорации, возникшей за принимаемые (согласование) ими деловые решения и недобросовестного использования корпоративной формы хозяйствования. Для привлечения к ответственности достаточно доказать извлечение выгоды лицом (априори признаваемым контролирующим) из незаконного (недобросовестного) поведения директора корпорации (п. 7). Следовательно, поскольку участие в коммерческой корпорации направлено на выплату дивидендов (дохода), то каждый участник потенциально признается контролирующим лицом должника и, следовательно, может быть привлечен к ответственности.

Возможна переквалификация специальной «субсидиарной» ответственности участников в «корпоративную» за причинение должнику убытков (абз. 2 п. 4). При этом распространена презумпция доказанности вины при определенных обстоятельствах: заключение или одобрение сделок на заведомо невыгодных условиях или с заведомо

неспособным исполнить обязательство лицом («фирмой-однодневкой»), дача указаний по поводу совершения явно убыточных операций, назначение на руководящие должности лиц, результат деятельности которых будет очевидно не соответствовать интересам возглавляемой организации и др. (п. 16).

В результате применения данных норм в правовой доктрине возникла категория «множественность лиц на стороне должника», применяемая не только в случаях банкротства умершего гражданина (множество наследников)³², но и при привлечении к субсидиарной ответственности участников корпорации-должника³³.

Федеральный закон о несостоятельности (банкротстве) в отдельных случаях (при возврате заявления о признании должника банкротом или прекращении производства по делу о банкротстве) позволяет подавать кредиторам заявление о взыскании убытков в свою пользу, минуя должника, – «прямые иски» (ст. 61²⁰).

Правомерны вопросы: каковы же пределы ограниченной ответственности членов корпорации в России, и можно ли рассматривать регламентацию ответственности при недобросовестном поведении членов коммерческой корпорации как рецессию традиционной конструкции «ограниченная ответственность»?

С одной стороны, подробная регламентация привлечения к ответственности членов корпорации свидетельствует о возврате прежних традиций, причем применяемых пару веков назад в Российской Империи близкому к полным товариществам (не обладающим статусом юридического лица), в которых товарищи несли неограниченную ответственность и фирма (бизнес) ассоциировалась с ее владельцами (по сути, бенефициарами). Однако в Российской Империи для привлечения их к личной ответственности достаточно было наличия долга у товарищества (корпорации). В Российской Федерации для привлечения члена хозяйственного общества к ответственности требуется доказать совокупность обстоятельств и наличие множества условий, без которых возложение на них ответственности невозможно (постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 г. № 53).

²⁹ См.: Федеральный закон от 29.07.2017 г. № 266-ФЗ // СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. 1). ст. 4815.

³⁰ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

³¹ См., напр.: *Лотфуллин Р.К.* Субсидиарная и иная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве. М., 2018. С. 9.

³² См., напр.: *Карелина С.А., Фролов И.В.* Институт банкротства граждан по законодательству РФ (лекция в рамках учебного курса магистерской программы «Правовое регулирование несостоятельности (банкротства)») // *Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес».* 2017. № 4. С. 2–20.

³³ См.: *Российское гражданское право: учеб.: в 2 т. Т. II: Обязательственное право / отв. ред. Е.А. Суханов.* 2-е изд., стереотип. М., 2011. С. 53, 54.

С другой стороны, возможность привлечения к ответственности членов корпораций стабилизирует гражданский оборот и инвестиционный климат в стране, защищая в т.ч. интересы меньшинств (от недобросовестных мажоритариев) и кредиторов корпорации. Так, среди ключевых факторов, определяющих позицию государства в рейтинге Doing Business, выступает индикатор «разрешение неплатежеспособности», который анализирует коэффициент возврата долгов корпорацией-должником. В данном случае правовое регулирование привлечения к ответственности недобросовестных участников и назначенных ими недобросовестных директоров повышает шансы возврата долгов кредиторам. И.С. Шиткина и другие правоведы справедливо считают исключением из данного правила доктрину «снятия корпоративной вуали» (как частный случай), позволяющую привлечь к ответственности членов коммерческих корпораций, а также бенефициаров и иных лиц, определяющих их управленческие решения, по обязательствам корпорации³⁴.

Современные цифровые технологии могут занять важную роль также и в корпоративной практике. Сложные корпоративные процедуры крупных компаний ключевых отраслей экономики (ПАО «Сбербанк», ГК «Норильский никель», Аэрофлот – российские авиалинии и др.) требуют внедрения в них информационно-технологическое профессиональное юридическое обслуживание (legal tech). Данные технологии благодаря искусственному интеллекту способны просчитать:

возможные конфликты интересов (в частности, с привязкой к злоупотреблениям правами мажоритарными членами корпораций);

вероятность наступления неблагоприятных последствий от совершаемых корпорацией договоров и иных сделок (предпринимательские риски, в т.ч. неисполнения сделок по вине контрагентов корпорации);

перспективы судебных исков по претензионной работе (например, период неустойки и наличие оснований для ее снижения судом).

Эффективность работы искусственного интеллекта обеспечится доступом к сведениям сервисов ФНС России – «Прозрачный бизнес» (<https://pb.nalog.ru/>), Росреестра – «ЕРГН» (<https://rosreestr.ru/>), арбитражных судов – «КАД. Арбитр» (<https://kad.arbitr.ru/>), Интерфакса – «Федресурс» (<https://fedresurs.ru/>) и т.д., выступающих основой для вычислительной деятельности искусственного интеллекта.

³⁴ См.: Корпоративное право: учеб. курс: в 2 т. / Е.Г. Афанасьева, В.А. Вайпан, А.В. Габов и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. Т. 2. М., 2018. С. 702, 703.

Заключение. Формирование правопорядка на определенном этапе развития гражданского общества зависит от потребностей общества, политической воли руководства государства, экономической ситуации на рынках и правовой культуры. Поскольку не всегда возможно достигнуть единообразия в различных правовых системах, формулируются уникальные правовые подходы и правовые режимы. В результате устанавливается «воображаемый в качестве верного» правопорядок, основанный на мнении большинства лиц, влияющих на его формирование (руководство страны, члены законодательных органов власти, бизнес-сообщества и т.д.).

Сложившийся правовой режим, формирование гибридных моделей корпоративных форм хозяйствующих субъектов и отсутствие «химически чистых» организационно-правовых форм корпорации являются объективной реальностью, но перманентно подвергаются изменениям. Требуется проявлять осмотрительность при установлении в качестве единственно верного подхода по ряду вопросов о правовом положении корпораций и их членов, поскольку любой из них может быть подвергнут научно обоснованной критике.

Таким образом, действующая правовая конструкция «ограниченная ответственность» членов коммерческих корпораций обеспечивает баланс всех участников гражданских и предпринимательских отношений, не нарушая сущностные и видовые характеристики отечественных корпораций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гаврилов К.Г.* Организационно-правовые формы частных коммерческих предприятий в промышленности РСФСР в период Новой экономической политики (1921–1929 гг.) // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2011. № 23. С. 353–361.
2. *Карелина С.А., Фролов И.В.* Институт банкротства граждан по законодательству РФ (лекция в рамках учебного курса магистерской программы «Правовое регулирование несостоятельности (банкротства)») // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2017. № 4. С. 2–20.
3. Корпоративное право: учеб. курс: в 2 т. / Е.Г. Афанасьева, В.А. Вайпан, А.В. Габов и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. Т. 2. М., 2018.
4. *Лантев В.А.* Предпринимательские объединения: холдинги, финансово-промышленные группы, простые товарищества. М., 2008.
5. *Лантев В.В.* Акционерное право. М., 1999.
6. *Лотфуллин Р.К.* Субсидиарная и иная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве. М., 2018.

7. Михайлов Н.И. Правовая организация финансово-промышленных групп в России: состояние и перспективы. М., 2005.
8. Молотников А.Е. Ответственность в акционерных обществах. М., 2006.
9. Практика рассмотрения межмуниципальными судами г. Москвы гражданских дел по спорам, связанным с обращением ценных бумаг // Хозяйство и право. 1995. № 3, 4.
10. Развитие электрификации советской страны 1921–1925 гг. М., 1956. С. 469, 470.
11. Российское гражданское право: учеб.: в 2 т. Т. II: Обязательственное право / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М., 2011.
12. Цитович П.П. Очерк основных понятий торгового права. М., 2001.
13. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. 1. 4-е изд. СПб., 1908. С. 183, 388, 389; т. IV. 1912. С. 596.
14. Шиткина И.С. Холдинги: правовое регулирование и корпоративное управление. М., 2006.
15. Шретер В.Н. Советское хозяйственное право. Право торгового-промышленное. М., Л., 1928.
- (bankruptcy)”) // Business Law. The application of “Law and Business”. 2017. No. 4. P. 2–20 (in Russ.).
3. Corporate Law: training course: in 2 vols. / E.G. Afanaseva, V.A. Vaypan, A.V. Gabov, etc; red. ed. I.S. Shitkina. Vol. 2. М., 2018 (in Russ.).
4. Laptev V.A. Business associations: holdings, financial and industrial groups, simple partnerships. М., 2008 (in Russ.).
5. Laptev V.V. Joint Stock Law. М., 1999 (in Russ.).
6. Lotfullin R.K. Subsidiary and other liability of persons controlling the debtor in bankruptcy. М., 2018 (in Russ.).
7. Mikhaylov N.I. Legal organization of financial and industrial groups in Russia: state and prospects. М., 2005 (in Russ.).
8. Molotnikov A.E. Responsibility in joint-stock companies. М., 2006 (in Russ.).
9. Practice of consideration by inter-municipal courts of Moscow of civil cases on disputes related to the circulation of securities // Economy and law. 1995. No. 3, 4 (in Russ.).
10. Development of electrification of the Soviet country 1921–1925. М., 1956. P. 469, 470 (in Russ.).
11. Russian Civil Law: Textbook: in 2 vols. Vol. II: Liability Law/ red. ed. E.A. Sukhanov. 2nd ed., stereotype. М., 2011 (in Russ.).
12. Tsitovich P.P. Outline of basic concepts of Trade Law. М., 2001 (in Russ.).
13. Shershenevich G.F. Course of Trade Law. Vol. 1. 4th. ed. SPb., 1908. P. 183, 388, 389; vol. IV. 1912. P. 596 (in Russ.).
14. Shitkina I.S. Holdings: legal regulation and corporate governance. М., 2006 (in Russ.).
15. Shreter V.N. Soviet Economic Law. Commerce and Industry Law. М., Л., 1928 (in Russ.).

REFERENCES

Сведения об авторе

ЛАПТЕВ Василий Андреевич – доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА); 125993 г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9; судья Арбитражного суда города Москвы

Researcher ID: A-7888-2019

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6495-1599>

Authors' information

LAPTEV Vasily A. – Doctor of Law, Professor at the Department of Entrepreneurial and Corporate Law of the Kutafin Moscow state Law University (MSAL); 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., 125993 Moscow, Russia; judge of the Moscow Arbitration Court